M. Grezovidetz

Омут небесный

M Grezovidetz

Омут небесный

«Автор»
2026

Grezovidetz M.

Омут небесный / M. Grezovidetz — «Автор», 2026

Рассказ поднимает вечные вопросы о подлинном героизме, духовном кризисе, цене человеческой совести и невидимых нитях, связывающих судьбы людей перед лицом неминуемой смерти.

© Grezovidetz M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

M Grezovidetz
Омут небесный

Глава 1

Степан Васильевич был не в духе. Утро началось с тяжелой головной боли, вызванной вчерашним обильным застольем и недосыпом. Свинцом давило в висках, бешено стучало сердце… «Не те уже года, — подумал он, — а ведь раньше мог целыми ночами…»

— Анна! — позвал он, стараясь придать голосу более жалостливый тон.

Дверь в комнату приоткрылась, и на пороге появилась Анна Николаевна, дама лет пятидесяти в строгом домашнем платье, какое и подобало носить по чину жене уездного исправника.

— Аннушка, попроси врача приехать… Андрея Петровича. Скажи, дурно стало с утра, мигрень окаянная замучила, спасу нет…

— Еще бы она не замучила! Половину ночи сидели, гоготали да все былые свои дела вспоминали. Домашние вон не выспались все, глаза красные, как у крольчат. Все тебе, Степан, разгулья устраивать да меры не знать. Поостерегся бы уже в свои года с молодыми акцизными равняться…

— Да уж, не рассчитал сил своих, голубушка. Да и как откажешь, коли люди такие в гостях были?

— Не знаю, какие там люди у тебя были, еле спровадила, пока ты почивать изволил, развалясь в креслах. Сплошь подхалимы да пьяницы одни, лишь бы выгоду какую для себя получить да забот не знать!

— Ну, мы обсуждали дела славные, военные…

— Да знаю я, какие вы там дела обсуждали! Все твои истории знаю назубок, только бутыли успевали подносить... Думаешь, коли пару раз в атаку сходил да благодарности в Петербурге высочайшие получил, так можно всю оставшуюся жизнь на прежних заслугах почивать? Не сегодня-завтра все твои протекции прахом пойдут: либо в отставку тебя отправят, либо, не дай бог, душу Богу отдашь — думаешь, помнить кто будет? Это ты раньше лихой казак был, смерти не боялся, а сейчас чарку чаще поднимаешь, чем шашку! Чуть кольнет где — врача сразу подавай... Поди уже и на коне, чай, забыл, как ездить.

— Цыц, баба глупая! — стукнул по столу отставной старшина. — Молодой был, глупый, без роду без племени — вот и не боялся смерти, терять нечего было! Да вот давно поумнел — вон какое хозяйство нажил, любо-дорого посмотреть! — Степан Васильевич широким жестом указал на обстановку комнаты. — Энто я раньше с конем в поле под шинелькой ютился, а с годами уюта уже хочется: дом исправный, жену заботливую да детей толковых, чтоб нужды не испытывали... Дел стало больше, всякая малость хозяйского глаза требует да личного присмотра... А как смерти-то не бояться? Она ведь невовремя приходит — посему и держать все надо строго, в порядке! И не тебе решать и думать, что, где и как мне делать! Хоть и сменил я войсковую папаху на исправническую фуражку, а за службу свою по-прежнему отвечаю перед Отечеством!

— Чаркой ты отвечаешь, Степан Васильевич, да здоровьем своим! Все свои дела служебные давно свалил на тех, кто помоложе да порасторопнее, а сам на лаврах почиваешь. Так лавры-то твои уже примяты давно.

— Если бы не лавры мои, не были бы мы теми, кем сейчас являемся, и уважением никаким не пользовались бы среди…

— Какое уважение, посмотри на себя… Знаешь, как тебя люди за глаза-то кличут? Степан-самодур! Может, ты раньше и был примером, а сейчас просто старый пьяница с большим самомнением. Я вон давеча со своими лавками управилась — сто двадцать рублей билетами с аренды в шкатулку положила, а ты все никак пузо свое вином не зальешь.

— Ну ладно, не начинай… Виноват, спорить не стану. Да и ты меня пойми: служба такая, догляда требует, да и в грязь лицом ударить нельзя перед подчиненными.

— Так оно у тебя и так уже в грязи. Меры не знаешь. Только одни былые походы обсуждать можете, а нынешние дела где? Ради чего поставлен тут?

— Ой, мать, не кричи, и так голова как колокол… Пошли лучше Яшку на бричке за доктором… Ох, и как же тяжко мне, тяжко, — поглаживая грудь смиренно и морщась, молвил Степан Васильевич. — Да дай Яшке рубля два, чтобы не отказал доктор-то.

— А может и откажет — не первый раз уже ты его с утра пораньше к себе зовешь, совести у тебя нет…

— Ну, смилуйся, матушка, пошли Яшку, а я пока тут чаем себя в порядок немного приведу, чтобы уж совсем худо не выглядел. А где мой вицмундир?

— Да там же, где и уснул — на креслах вон лежит. Все фасону наводишь перед людьми, лучше бы о домашних думал больше, — вздохнула Анна. — Яшка!

В дверях вырос моложавого, щегольского вида кучер.

— Вот, Яшка, тебе деньга на дохтура, — сказала Анна Николаевна. — Езжай на бричке нашей к Андрею Петровичу. Поклонись в ноги, скажи: плохо Степану Васильевичу, раны старые дают о себе знать. Да пожалостливее, пожалостливее! Дескать, просит не отказать в визите. Понял?

— Слушаю-с, Анна Николаевна, сделаю в точности! Степан Васильевич, не извольте кручины знавать, я мигом: одна нога здесь, другая там, не извольте сумлеваться!

— Да ступай уже, без тебя и так тошно, — ответил исправник, садясь грузно в кресло и накидывая вицмундир с орденами…

Медленно и осторожно луч утреннего солнца, пробившись через запыленные окна со ставнями и кружевные, пожелтевшие занавески, игриво скользил по комнате, освещая самые темные ее уголки в надежде увидеть что-то новое, невиданное прежде.

Но, увы — как и все последние годы, в комнате все застыло по-старому: длинный стол из обструганных березовых досок, стулья с резными спинками, длинная потемневшая лавка возле двери, скрипучий дощатый пол да пара массивных сундуков с коваными петлями. Скользнув мимо полок с плошками, кружками и глиняными корчагами, минуя стоящие в тени кадки, утренний луч на мгновение задержался возле небольших потрескавшихся от времени масляных портретов на бревенчатой стене — свидетелей былого достатка.

В застывших позах ощущалась почти благородная стать: лихой мужчина лет тридцати пяти, с пронзительным и вместе с тем спокойным взглядом карих глаз, окладистой бородой да смоляным чубом, выбивавшимся из-под фуражки, в застегнутом на все пуговицы мундире, с перекинутой через плечо перевязью шашки в обтянутых кожей ножнах; на эфесе оружия горел знак „Анны за храбрость“ за степной поиск под Раимом. На втором портрете он же стоял рядом с сидящей на стуле молодой, обаятельной женщиной с миндалевидным разрезом глаз и густыми ресницами, в богато украшенной жемчугом сороке, суконном расшитом сарафане и небрежно накинутом на плечи шугае; а на руках у неё улыбался пухлый малыш с наивным ангельским взглядом и кучерявым пушком на голове, в белой крестильной рубашонке с шитым воротом...

Наполняя пространство, луч солнца беззвучно отгонял тени прошлого, уступая место настоящему — разгорающемуся рассвету…

Старик нехотя открыл глаза, пробуждаясь ото сна и нежных, согревающих лицо прикосновений утреннего солнца. Зевнув и покряхтев, прочищая горло, он медленно потянулся.

Откинув лоскутное одеяло, полусидя перекрестился. Не торопясь и осторожно, он спустился с лежанки видавшей виды, но не ставшей от этого хуже добротной печи на покрытый местами пылью пол — доски привычно скрипнули, принимая босые ноги хозяина.

— Вот и наступило ещё одно славное утро, — подумал Савельич, наматывая онучи.

Разминая повреждённое давным-давно в молодости плечо, старик направился к кадке с собранной ранее дождевой водой, чтобы умыться после спокойной ночи.

Старик насухо утер лицо вышитым рушником, прошелся редким костяным гребнем по волосам, усам да окладистой бороде и неспешно сотворил утреннюю молитву перед образами. С тихой душой он вернулся к печи, отодвинул заслонку и привычным движением ухвата вытянул из горнила чугунок с упревшим за ночь на углях рассыпчатым картофелем. На столе его уже ждала простая снедь: ломоть свежего хлеба, крепкая луковица да миска капусты, заквашенной еще в минувшую седмицу.

Вывалив дымящееся содержимое чугунка на щербатую местами купеческую тарель, искусно украшенную изображениями фазанов, Савельич отрезал от луковицы небольшую дольку, макнул в щепоть крупной соли и с хрустом отправил в рот. Причмокивая от удовольствия, он замер в тихом уединении.

В проеме окна раздалось какое-то шебаршение. Старик, подбоченясь, повернул голову на шорох, который так внезапно прервал его покой.

— А вот и Васька, явился-таки, приблуда, — старик увидел в проеме окна хорошо знакомого темно-рыжего кота, который объявился так же внезапно, как и всегда. — Ну заходи, коли пришел. На вот, а то опять всю ночь сновал, как неприкаянный...

Звук наливающегося в плошку молока не оставил Ваське иного выбора, кроме как спрыгнуть с подоконника и, задрав хвост вверх, медленной, полной достоинства, чуть раскачивающейся из стороны в сторону походкой, словно делая старику одолжение, подойти к предложенному слегка тёплому угощению.

Наблюдая за тем, как Васька жадно, давясь и глотая, поглощает молоко, Савельич пытался вспомнить, когда же точно возник этот кот в его жизни: казалось, эта рыжая шельма коротала с ним одиночество почти вечность.... Помнил только, что во время сильной грозы, читая «Отечественные записки» в колышущемся от сквозняка пламени свечи, он расслышал жалобное мяуканье возле запертой на засов входной двери. Приоткрыв створку, он увидел, как внутрь пронесся набухший от дождя, трясущийся от холода рыжий комочек, оставляющий за собой петляющие мокрые следы.

— Ишь какой прыткий, — подумал Савельич. — Обсохнешь — выходи, не обижу... — продолжил он, обращаясь к незваному гостю.

Вернувшись за стол и уже делая вид, что продолжает читать, Савельич с интересом наблюдал за местом между печью и стеной, которое выбрал его поздний гость, изредка посматривая на старые настенные часы с кукушкой в массивном темном деревянном окладе. Большая стрелка медленно завершила очередной круг циферблата, следы на полу почти подсохли, а гость так и не собирался выходить. Осторожно, на цыпочках, стараясь сильно не шуметь, старик подкрался к скрытому убежищу. Растянувшись во всю длину, там мирно спал рыжий, местами еще грязный замарашка. Похоже, его всё устраивало: шерстка уже подсохла и тепло светилась густым янтарем в отсветах свечи.

— Ну и наглец же ты... — добродушно покачал головой старик. — Ну что ж, не выгонять же тебя обратно в такое ненастье.

Допив молоко из плошки, Васька начал, не торопясь, вылизывать шубку, тщательно наводя кошачий лоск, чувствуя себя при этом особой, весьма важной и достойной всяческого почтения.

Кот скрашивал будни старика уже долгое время, каждый раз радуя своим появлением, и старик платил коту за это добрым отношением, проявляя заботу о своем давнем знакомце.

— Ну что, Васька, может, тебе свежей рыбицы? — спросил Савельич, обращаясь к коту. — А то вон как поистрепался… Весь в каких-то репеях... В каких токмо оврагах тебя нелёгкая носит!..

Васька замер на мгновение, словно обдумывая услышанное. Переменив позу, он продолжил умываться, но уже с поднятой задней лапой.

— Убедил, шельма!.. — рассмеялся Савельич. — Как есть убедил. Тут уж отказать никак негоже, будет тебе от пуза.

Подкинув в печь пару поленьев и засунув за пазуху пару картофелин, обёрнутых в платок, старик накинул залатанный армяк, натянул поверх онучей разношенные смазные сапоги и прикрыл голову старой форменной фуражкой. Захватив из сеней пару уд, лопату да плетёную пестерь, Савельич направился к реке, надеясь порадовать себя свежепойманной рыбкой.

Разведенный на берегу небольшой костер, легкий стелящийся туман в утренних лучах солнца, пробуждающий ото сна зябкий осенний ветерок и тихое журчание реки с кружащимися над темной водой последними сухими листьями — всё дышало покоем и умиротворением...

— Есть ли у тварей сих душа? — размышлял Савельич. Придерживая крючок негнущимися пальцами искалеченной руки, он с привычным терпением насадил наживку. — Быть может, и теплится в них некая искра... Вот нарыл я тебя — поймал рыбу, рыбу Ваське дал, тот мышей словил — зерно сберёг, из зерна я хлебца испек — и вновь бреду с лопатой к земле, к сородичам твоим... Перевязано всё невидимою нитью, и неспроста ведь всё так устроено. Может, живёшь ты на белом свете, чтобы польза была от тебя: и мне, и земле, и другим тварям? Или божий промысел в том положен, чтобы отдала ты свою безгласную душу в пищу иным, во исполнение воли Господней и для общего прокорма? Хотя есть ли у тебя сей выбор, или неизбывен твой удел?.

Время за неспешной ловлей текло незаметно, словно сама речная вода. Первые тонкие сучья в костерке давно прогорели, подернувшись седой золой. Солнце уже поднялось над дальним сосняком, припекая плечи сквозь старый армяк. Радуя глаз, в плетёной пестере, перемежаясь сорванной крапивой, лениво ворочался добрый десяток карасей да плотва...

Закинув уду, Савельич подкинул пару щеп в костер. Тот ответил ему небольшим снопом разлетающихся искр и переливающимся мерцанием тлеющих углей. Огонь дышал, словно живое существо, медленно погружая мысли старика в туманное былое...

— Господа офицеры, диспозиция перед началом боя ясна? — обратился к собравшимся над картой немолодой войсковой старшина, временно командовавший полком.

Офицеры молча склонили головы.

— Что до нашего Первого Уральского, — продолжил старшина, очерчивая карандашом складки долины, — распределение полка таково: три сотни ведем к первому и третьему редутам в подспорье наступающей пехоте Днепровского и Азовского полков. Главное дело наше — зайти неприятелю во фланг и тыл, отрезать пути отхода и не подпустить свежих сил со стороны Кады-Коя. Однако ж глядеть надо в оба: из штаба упредили, что за грядой развернулась английская кавалерия лорда Лукана — уланы, гусары да лёгкие драгуны. Пехоте генералом положено ударить с рассветом, ровно в шесть утра. Соседняя донская батарея поддержит огнем, коли крайность настанет. Пятьдесят третий Донской полк встанет на прикрытие пушек, а стрелковые цепи пойдут в обход по правой стороне долины. И еще одно, господа: давеча прискакал вестовой от пехотных командиров — просят подсобить при штурме, чтобы батальоны почем зря под картечь не подставлять. Какие будут соображения? — старшина обвел собравшихся вопросительным взором.

— Дозвольте слово, ваше высокоблагородие...

Из середины офицерского круга выступил рослый хорунжий с окладистой бородой и холеными усами, с морщинами на лице от вечного прищура на степном солнце и ветру.

— Хорунжий Топорков, — твердо отрекомендовался он.

— Слушаю вас, Матвей Савельич, — кивнул старшина. — Вы давеча с разъездом у самой Кады-Койской балки ходили, вам те бугры виднее нашего.

— Ваше высокоблагородие, а сколь пушек у неприятеля на редутах?

Старшина с интересом посмотрел на подчиненного.

— Точно счесть не вышло, увы. Рассмотреть в зрительную трубу нам не удалось — расстояние слишком велико, да и погода не способствовала. Посланные разъезды ближе двухсот саженей приблизиться не смогли: обстреляли их из дальнобойных штуцеров английские стрелки в пикетах, казаки еле успели отойти. Но доносят, что на первом — от трех до шести, а на третьем — пять али восемь орудий, все вроде как тяжелые двенадцатифунтовые, снятые с английских кораблей. А вот прислуга орудийная и пехота в укреплениях — турки.

— А наша пехота с какого расстояния на редут пойдет?

— С саженей девятисот али тысячи.

— Пехоте, стало быть, в лоб под прямой огонь идти… — нахмурился Топорков. — Положат роты под валами, коли картечью встретят. Да и далече до них для прямого штурма: ружья у турок в окопах хоть и простые, да с высоты вала они всё предполье свинцом выметут. Выкосят на подходе, аки траву под косой...

Тут вперед подался моложавый сотник, присланный для связи от соседнего Донского полка:

— Позвольте, хорунжий, уж не сомневаетесь ли вы в успехе?!

— Оставьте, пусть говорит, — сухо оборвал его старшина.

— Думаю я, — продолжал хорунжий, — ежели уж разъездные пушки так точно и не сочли, то, может, орудия иначе повернуты и не видны, либо до времени за валом скрыты?

Офицеры слушали внимательно, чувствуя резон за простыми, идущими от боевого опыта словами уральца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.